

Книжное обозрение

1. АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ «Пирующая весна». С. Пакентрейгера.—2. ПАВЕЛ ЛОГИНОВ-ЛЕСНЯК «Голубой дым». Арк. Глаголева.—3. ДМИТРИЙ ПЕТРОВСКИЙ. К. Локса.—4. П. ПАВЛЕНКО «Азиатские рассказы». Р. Рош. —5. П. Е. ЩЕГОЛЕВ «Книга о Лермонтове». В. Гольцева.—6. БАРОН АЛЕКСЕЙ БУДБЕРГ «Дневник белогвардейца». Г. Сандомирского.

Артем Веселый. — «Пирующая весна». Со вступительной статьей В. Полонского. Изд. «Пролетарий». Стр. 543. Ц. 3 р. 25 к.

В сборник «Пирующая весна» включена малоизвестная работа автора «Зеленый куст», над которой Веселый — по собственному признанию — пока еще не занес «карающей руки». Это сказано скромно, хотя и сильно. Как бы, однако, ни была скромна эта художественная самооценка, в юной работе сказываются потенциальные стороны веселовского таланта.

Что характерно в этом незрелом рассказе о негре-кочегаре? Духовная жизнь дается как продолжение физической, плотской жизни. Неутолимая моральная жажда негра не уступает по своей силе и напору стихийной жажде верблюдов: «Десяток пушек и тысяча плетей не остановили бы верблюдов: со страшным ревом, сшибая друг друга, ломая лед, они кинулись в озеро и, падая на колени, припадали к влаге».

Той же страшной силой напоено все существо негра, возжаждавшего страны, «где китайцы, персы, азиаты работают вместе с русскими», где «наш брат—черный—ходит по тротуару и никто не гонит его палками по мостовым».

Хотя Веселый и рисует отдельного негра, но он вырастает в воображении читателя не как отдельное лицо, а как сборище, как слияние разных существ.

Веселый пытается конденсировать духовную жизнь группы, сборища лю-

дей в одном лице. По существу здесь новизны никакой нет. В ряде других работ, перешагнув полосу «оголтелого ученичества», автор нащупывает иные дороги. Он ищет возможностей для передачи сборищ, групп, деревень, фронтов, митингов, казарм новыми средствами. Он хочет, чтобы заговорили они, а не отдельные лица.

Он прибегает ко всевозможным способам: пользуется документами, письмами, дневниками, вымышленными переписками, звуковыми уподоблениями, безличным революционным жаргоном, ведет повествование в третьем лице от имени человеческих сплавов и массивов.

Веселый в этом деле не пионер. Ту же попытку сделал А. Малышкин в «Падении Даира». Ему принадлежит почин и попытка говорить голосом «множеств». Но Малышкин не продолжил творчества в этом направлении. А Веселый упорно и настоятельно решает задачу на протяжении всех своих работ. И хотя задачи этой до конца не разрешил, но во многих случаях добился выразительного эффекта, и эстетического и социально-психологического.

Вот массовидное выражение духовного состояния фронта в переломный момент конца войны и начала первой революции. Передан внутренний говор доведенных до отчаяния масс, начало кризиса солдатского сознания:

«— Бог ты наш, бог солдатский, нечесаный, немытый! И куда ты, бог, мать твою непорочную, некачаную, не-

ворочаную, куда ты подевался и бросил нас, как плохой пастух овец своих? Зачем ты спокинул нас на растерзание злой судьбе и зачем ты, вшивый солдатский бог, не желаешь нашей солдатской жизни?» («Россия, кровью умытая»).

Внутренний говор вымышлен и вместе с тем доподлинен в своей художественной реальности, как доподлинны его вымышленные массовидные диалоги. Однако, Веселый перебарщивает, увлеченный массовидными передачами, порой жертвует отдельными фигурами, законченным построением отдельных частей работ, их пригонкой друг к другу, порой стилизует разлив, вихревое движение фразы, стилизуется под «дикаря», под «варвара». Даже в новом названии сборника «Пирующая весна», включающего все его работы, есть некий элемент стилизаторства под самого себя.

С большим трудом Веселый улавливает голоса жизни, схваченной творческими планами, организуемой коллективами, вышедшими в надполье уже на заре гражданской войны.

Заставить звучать эти новые образования — дело столь же сложное и более благодарное, чем находить выражения для сплошяков и множеств стихийных. Веселый тут не всегда уверен, не чувствует зрелой решимости, но и здесь идет путями индивидуальными, проявляет чутье и меру и не соскальзывает на проторенные дороги.

Из отдельных фигур воображению Артема наиболее близки: фигура бешеного ураганного полудеклассированного бунтаря и фигура мятущегося, жадно рвущегося к новой жизни мужика. В «России, кровью умытой» проснувшаяся, беспокойная и вместе с тем деловитая, хозяйственная фигура дана в образе мужика Кужеля, Артем Веселый знает всю подноготную, все почесывания, все нутро этого мужика, приобщающегося к государственной жизни и разуму хозяйствующего класса.

Сам Веселый — сын, гражданин, человек этой новой исторической среды, ее выдвиженец.

С. Пакентрейгер.

Пав. Логинов - Лесняк. — «Голубой дым». Роман. Изд. «Федерация». М. 1929. Стр. 292. Ц. 1 р. 75 к. Пер. 20 к.

В творческий облик Логинова-Лесняка «Голубой дым» ничего нового не вносит. Социологически данный роман весьма однороден с той ранней вещью автора «Степные табуны», которая дала ему литературное имя.

Вновь в центре повествования стоят мятущиеся полудеклассированные слои крестьянства и провинциальной интеллигенции эпохи 1914—18 гг., лесные бунтари, неустойчивые, анархистствующие бродяги, мечтатели, «со спутанным клубком мыслей», раздираемые всевозможными «противоречиями», «терниями одиночества», «страшной пустотой в душе». Общественные пути этой социальной массы, представленной в «Голубом дыме», крайне неопределенны и зигзагообразны: одни, как учитель Петр Евгеньевич, искренне тянутся к большевикам, другие (напр., Павел) превращаются в «лесных разбойников» или в «комиссаров» в кавычках (Яшка). Тяжелый жизненный путь всех этих запутавшихся лесных людей оканчивается их полной гибелью. «Голубым дымом» развеивается над родной землей эта «бесплодно сгоревшая одинокая человеческая сила».

Старательно обрисовывая печальную судьбу этих лесных неудачников, беллетрист остается в романе художественно маловнимательным к фигурам иной социальной среды, к подлинным (по замыслу самого автора) большевикам (Андрей), с одной стороны, к представителям буржуазно-дворянской интеллигенции (Алеша, профессор) — с другой.

Композиционную рыхлость романа правильнее будет объяснить не столько техническими свойствами мастерства самого романиста, сколько социологическими причинами — социальной рыхлостью центральных персонажей повествования, обусловившей не только «содержание», но «форму», построение вещи.

На фоне нашей современной литературы роман выглядит тематически крайне запоздавшим, а имеющийся на нем (в отличие на этот раз от «Степ-